

Юля ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

А когда налетели грачи, мы надели шинели
И легли на асфальт, прикрывая прорехи на теле,
Утепляя пространство собой, укрывая от неба
Ржавый глиняный ломоть сухого пайкового хлеба.
Мы дрались с червяками за корку, за теплую норку,
Пили в черной горсти разведенную белую хлорку
И носили шинели всемирного серого братства,
Изнывая от страха, учили себя не бояться.
Изнывая от холода, грели себя как умели,
А шинели-мишени держали прицел на пределе,
Там, где видимость меркнет до самого края вселенной.
Только вечный асфальт обладал пустотой неизменной.

А дом качался на ветру
И хлопал крыльями, взлетая,
Кружила в небе крыш крикливых стая
И кто-то шел по гулкому двору,
По обнаженным лестницам наверх
Взбегал он, как по трапу самолета,
И двери в пустоту вели кого-то,
И окна раскрывались как орех,
И в сердцевину этой синевы
Нырлял какой-то он
Скворцом в пальтишке,
А город, рот раскрыв,
Глядел мальчишкой
Все вверх роняя шапку с головы.

И кузнечик сидел на подушке, конек-горбунок
Ерзал ножками, дергал усами, надкрыльями щелкал,
И настойчиво звал за собой, и потряхивал челкой,
И в прерывистом ржании слышался тихий упрек.
Вмерзли плечи в нетающий лед голубой простыни,
И со снежной подушки никак не поднять головы.
Ходят по полу синие тени у самой земли,
И моргает пугливо ночник у дежурной сестры.
Ночь стоит за окном, или день — мой конек, подсажки.
Слишком тесно деревья сплелись — никакого просвета.
Мне на целую жизнь бы хватило солдатского хлеба,
Только как оно будет по-вашему — "целая жизнь"?

Перед сожжением прочти
Сухие листья. Ты почти
Забыл язык земного лета,
И пригородный поезд вез
Тебя с планеты на планету
В открытый космос, полный звезд.

Туда, где солнце и светила
Влечет безудержная сила
Навстречу полной немоте,
Где время на куски разбито,
И каждой каличной звезде
Своя начертана орбита.

Ты был один, и ты забыл,
Кто направляет бег светил.
Но тут к тебе пришел кузнечик,
Беспечный кум степной травы,
Июньской армии разведчик,
Царевич лета, брат молвы,

Запрыгнул в комнату, бродяга,
И зазвенел, и затрещал,
А с ним ввалилась дней ватага,
Ощерясь тучей медных жал,
Ватага пестрая, хмельная,
Вломилась, мутный сон сминая.

И ты очнулся. Над тобой
Смеялось бешеное лето,
И где-то в берег бил прибой,
И жизнь была сама собой,
Сама себе была ответом.

И брат кузнечик говорил
С Тем, Кто расчислил бег светил.

А потом на осенние улицы вышла война
И пошла тротуарами, пачкая вывески пеплом
Пахло гарью, и город беспомощным стал и нелепым,
Как старуха процентщица, выжившая из ума,
Как старушка, монетки считает да ждет барышей,
Все пустые коробочки прячет, тесемки, бумажки,
Пожелтевшие прячет в комодик рубашки
И не видит резвящихся в мелочной лавке мышей.
Город жил суетою мышиной, слецвыпуски грыз,
По зачумленным улицам шмыгал и прятался в норку,
И разбрасывал дворник в подъездах вонючую хлорку
По приказу властей, чтобы город избавить от крыс.

А дни идут потоком черной крови,
И сердце не справляется вздохом.
Белеет лоб. Между бровей врзлет
Чернеет лед. И коченеет в слове.
И все, что есть — дыхание и свет.
Коснись губами — воздух осязаем,
Свет льется, как вода. Коснись губами —
И догадаешься, что жизнь и есть ответ
На лед небытия застылых слов,

На пустоту в груди, на боль и мусть.
Всего-то ничего — сумей вдохнуть
И смой со лба запекшуюся кровь.

Возьми в подарок горсть моей земли,
Где змеи спят в корнях полыни горькой,
Где соль спеклась на солнце твердой коркой
И где видны следы копыт в пыли.
Возьми в подарок и губами тронь,
И отзовется жарким медным звоном,
Чтоб гул пошел над полуднем каленым,
По рыжим травам — слышишь? — рыжий конь.
Не подковать, не оседлать коня,
Глядеть во все глаза, не шевелиться,
Как в искрах по степи летит жар-птица.
Дарю ее тебе. Она твоя.

Смотри — твоя свобода над костром
Танцует девочкой в дырявом красном платье,
Не зная власти азбучных понятий,
В огне беспечно пляшет босиком.
На углях, в искрах, в пляшущем дыму
Смеется, руки тонкие раскинув.
Ты был счастливым. Ты рожден счастливым.
Не просишь ни о чем, не должен никому.
Тебе кузнечик брат, и ветер, и огонь,
По крови и по солнечной науке.
И если ты к огню протянешь руки —
Живой водой наполнится ладонь.

Если не думать о холоде ночью, сойдя с поезда
Где-то в степи на станции, помни, что лесополосы
Слишком полны деревьями, как города — деталями.
Нужная степень абстракции располагается далее.
Так вот, как было предложено, ночью выйди из поезда.
Рельсы лежат по касательной к шару, в иной плоскости.
Ты же сверяй направление с внутренним компасом
космосом.

Двигайся самым неправильным и нелогичным образом.
Прочь от станции, к чертовым
Выселкам, в поле, в белое,
Видимое отчетливо,
Полотно онемелое.
Прямо от рельсов, в черное
Небо, снегом забитое.
Тысячу раз перечеркнутое
белым метеоритом.
Шитое белыми нитками,
Битое черными птицами,
В белой больнице выпитое
Черными пчелами шприцами.
Там, в пустоте и холоде...
Впрочем, забудь о холоде.
Холод в такой ситуации
Вроде обмотки в проводе.
Ночью, уйдя от станции,
Предохраняйся холодом
В абсолютном пространственном
Коконе, внутрь кромешному.
Так в темноту кромешную
Ты уходи от станции.
Может, крылья прорежутся.
Может, тело отвалится.
Главное — в небе замершем
Все, что о поле вымершем
Ты до сих пор не узнал еще,
В эти часы отыщешь ты.
Только вот не расскажешь
И не поделишься опытом
Через полгода в стаявшем
Снеге. Окна захлопнуты.

И вот уже время готовится в самоубийцы,
И память сжигает синопсис, кромсая страницы,
Летят черно-белые птицы, строка за столицей,
И пламени отсвет багровый ложится на лица.

Я был твоим вечным врагом, быстротечное время,
А нынче склоняю колени — продолжи течение,

Стекай и секундами капай в студеную Лету,
Но не отдавай нас во власть неживому моменту.

Не здесь и сейчас, а тогда и потом жили старые были
И мы были в них, и они нас в себе сохранили
Детьми и ключами, и тайной и явью, былью
И повестью временных лет, и дорожную пылью.

Разорвана цепь, каждый день существует особо
Вне связи событий, меж смыслов теряется слово
Но капает кровь, насыщая иссохшую землю,
И травы слепые встают, ритму пламени внемя.

Мы не исчезли, мы ушли в траву
Мы напоили кровью эти камни
Мы к сыновьям приходим наяву
Чтоб снова становиться сыновьями

Мы алчно пьем горячий ветер дня
Вгрызаемся в распаханную землю
И сыновей рождает нам земля
И нашей плотью прорастает семья

Вернуться к ней и защитить, спасти
И долюбить ее, и дать ей имя
Расти большой, мой Телемак, расти
Мой лук натянут стрелами твоими

О песчинке; о том, из чего состоят времена;
О ветвях и корнях; о бессмертии капли воды;
Об огне, о золе; о рождении новой беды,
О вселенной, которой ты должен найти имена,
А потом о свободе, и только о ней — до конца,
О пространстве внутри, о земле, о дороге и доме,
О реке, о твоих лошадях, о скрипучем пароме,
О свободе, ты слышишь, от первого, слышишь, лица.

А вы и не знали, что мокрое дерево пахнет ванилью
А вы и не нюхали доски садовых качелей
Кто бегал с грохочущим обручем старой аллеей
Догнал свою пулю давно и рассыпался пылью
Но грохот железного обруча все еще слышен
И пахнет ванилью доска, пьет улитка из лужи
А топот и смех из аллеи все тише и глуше
И пятна на белой матроске от вишен, от вишен

На смуглые ноги — плетение пестрых сандалий
На сильное тело — льняные прохладные складки
По выжженным травам бегом — по песку без оглядки
Без тени сомнений на голос — ты слышишь, — позвали
Откуда-то с моря, а может, окликнули сверху
Пронзительным голосом сокола, россыпью звонов
Крылом поманили, струну одинокую тронув
Крылом поманили, и струны ответили смехом
И вот мы бежим по песку и хохочем, а рядом
Летит и хохочет, песка не касаясь ногами,
Крылатая девочка, солнечный ветер и пламя
Крылатая девочка с темным всевидящим взглядом

Поэт проходит городом как миром
И тротуары переходит вброд
Бегут стада машин, а он идет,
Идет в Аид за Эвридикой милой

Заходит в гастрономы, во дворы
В подъезды, коридоры, двери, двери
Насквозь, навывает, напролет, и верит
Что соблюдает правила игры

Что тьма вот-вот отдаст родную тень
И тень оденется любимой плотью
И босиком пройдет по мелководью
Из полумрака в белый-белый день

Темный путь и колючей воды равнодушная гладь
Не пытайся простить, а старайся хотя бы понять
Это лес, это жало ветвей, это черный прибор
Это молча кружит над тобой, над твоей головой
Это хлопает крыльями, ухает, гонит во тьму
Обнимает, ласкает и шепчет тебе одному
Это только твое, как младенческий сон, как испуг
Как слепые касания жадных внимательных рук
Под холодной водой скрыто имя, и пламя, и боль
Ты укрыт с головой, на ресницах не снег и не соль
На ресницах песок из разбитых песочных часов
Ты отпущен на волю, прощай, сладких снов, сладких снов

Пути перепутаны, травами тропы увиты
Пойдешь напрямик — поведет по кривой на круги
На древнее поле какой-то неведомой битвы
Где спят вмеремешку обнявшись свои и враги

Пути перепутать, свести за околицу, лесом
С мешком и ауком направить в другие края
Укроннее лисьей норы за незримой завесой
Упрятать следы и приметы тепла и жилья

Хвостом заметая сухие осенние листья
Я дом обвожу заколдованным кругом теней
И лес вырастает, и шкурка лукавая лисья
Осенним листком затеряется в чаще теней.